

Капитан Дун рассмеялся:

— За что благодарить? Наш цяньху сделал это вовсе не ради твоих подарков. Ему просто опротивело смотреть, как твоя мачеха над тобой издевается.

Оглядевшись по сторонам и убедившись, что никого нет, он понизил голос:

— Знаешь ли ты, что когда наш цяньху отправлял письмо, то из-за незавершённого дела о еретических учениях написал всё довольно туманно? Лишь упомянул, что увидел твоё ранение и решил сообщить твоим родным, чтобы из вашей усадьбы прислали людей в Тунчжоу присмотреть за тобой. И что же? Письмо кануло как камень в воду! Тебя так и бросили в Тунчжоу никому не нужным, зато госпожа Сюй пожаловала нам сотню лянов серебра. Это она хотела, чтобы наш цяньху за неё сына растил, или намекала, будто он суёт нос не в своё дело?

Лишь теперь Цуй Се понял, почему госпожа Сюй дала те сто лянов серебра, и не удержался от вопроса:

— А цяньху Се знал о её помыслах? Он ведь только что сказал мне, будто испросил высочайший указ, будучи тронут её материнской любовью...

Капитан Дун расхохотался, даже хмель от смеха немного выветрился:

— Это же просто вежливые слова, выслушал — и забудь, не принимай всерьёз! Наш цяньху терпеть не может подобные подлости, да и к тебе проникся симпатией, вот и решил помочь. Теперь за тобой закрепилась слава праведного мужа, а под защитой этого высочайшего благословенного указа твои почтенные родичи уже не смогут чуть что глумиться над тобой.

Слушая его, Цуй Се почувствовал, как к горлу подступил комок, а глаза защипало.

Они с цяньху Се не были ни родственниками, ни давними друзьями. А если говорить о заслуге в поимке еретиков, то она целиком принадлежала Цзиньивэй — сам он лишь успешно побывал в заложниках и вернулся живым. Цяньху Се оказал ему такую помощь, что одного лишь рецепта виноварения явно мало в знак благодарности. Но что ещё он мог дать?

Неужели и вправду предложить эликсир бессмертия?

Он подпёр подбородок рукой, глубоко задумавшись. Капитан Дун замахнулся, намереваясь крепко хлопнуть его по плечу в знак утешения. Однако ладонь так и не опустилась: кто-то сзади подхватил его под локоть и равнодушно произнёс:

— Что за шум ты устроил во дворе? На всю усадьбу слышно твой глупый смех, сам евнух Гао уже спрашивает.

Капитан Дун вздрогнул, обернулся и, увидав его лицо, нервно ухмыльнулся:

— Подчинённый забылся... Я... пойду отлию и сразу вернусь!

Цуй Се поднял голову и увидел перед собой цяньху Се. От прилива чувств он едва не пал перед ним ниц.

Цяньху Се придержал его за плечи, прислонив к столбу, и со смешком спросил:

— Сколько же ты выпил, что глаза так покраснели? Не слушай глупости Дун Чэна. Я испросил указ без особого труда: твой батюшка — ученик командующего Ваня, вот наш командующий

Вань и рад оказать ему такое уважение.

Цуй Се пробормотал:

— Но мне совершенно нечем отблагодарить вас...

Цяньху Се хмыкнул и небрежно отозвался:

— А я и не говорил, что мне не нужна отплата. Молодой господин Цуй, разве я не сказал тебе ещё в Тунчжоу? Вот сдашь экзамены и вернёшься в столицу, чтобы служить со мной в одном дворце. И если тогда потребуется твоя отплата, сей цяньху скромничать не станет.

=====

В тот день, когда Цуй Се встретил цяньча, Цуй Цюэ тоже услышал новость о том, что его сына собираются поощрить высочайшей похвалой.

Закончив дела в ведомстве, он отправился с несколькими коллегами выпить в харчевню. Однако в том заведении как раз оказались молодые дворяне из знатных семейств. Со времён пленения прежнего государя на севере статус этой знати сильно пошатнулся, и перед чиновниками-учёными из неподкупного сословия они обычно уступали дорогу. Но на сей раз они вопреки обыкновению вышли им навстречу и с кубками вина, развязно улыбаясь, поздравили его:

— Поздравляем, академик Ханьлин Цуй! Твой дражайший сын удостоился высочайшей похвалы по среднему указу императора! Экая редкая честь, сей маркиз невероятно тебе завидует!

В глазах Цуй Цюэ мелькнуло отвращение. Слегка нахмурившись, он спросил:

— Какая похвала? Подчинённый ни о чём подобном не слышал.

Маркиз Юнкан Сюй Ци подошёл к нему ближе и с широкой улыбкой произнёс:

— Да тот самый твой сын, что в Тунчжоу самоотверженно помог Цзиньивэй схватить еретиков из Учения Белого Лотоса! Люди из Северной Чжэньфусы лично подали прошение о поощрении для него, а император не только сразу же одобрил его, но и издал средний указ, повелев евнуху Гао из Управления церемоний вместе с цяньху Се Ин, испросившим эту похвалу, лично отправиться в уезд для оглашения указа...

— Ц-ц, со дня основания нашей династии всегда лишь местным наместникам полагалось подавать прошения о поощрении праведных мужей и добродетельных жён под их управлением. Твой же сын стал самым первым, за кого ходатайствовали Цзиньивэй! Нам остаётся лишь искренне вам завидовать!

Цзиньивэй просили о награде?

Что вообще происходит? Цзиньивэй — лишь неотёсанные военные, как они смели брать на себя обязанности наместников и просить о высочайшей похвале! Разве его негодный сын не просто случайно столкнулся с Цзиньивэй, когда те вели дело в Тунчжоу? Откуда у него взялись связи с ними, да ещё такие, что люди из Цзиньивэй стали хлопотать ради него о благословенном указе?

Разве подобная похвала не сделает его посмешищем для всей Поднебесной?! Как Министерство ритуалов и Внутренний кабинет могли допустить такую нелепость!

Хотя в последние годы ему порой и приходилось плыть по течению, в глубине души он неизменно считал себя честным и благородным мужем. А этот негодный сын сошёлся с Цзиньивэй и вдобавок действовал за спиной собственного отца, заставив стражников выбивать для него славу праведника! Точь-в-точь как его неотёсанные, невежественные дед и дядя с материнской стороны, жаждавшие лишь выгоды!

Цуй Цюэ казалось, будто сослуживцы в душе презирают его, а льстивые речи знатных господ превратились в откровенную насмешку. Душа его разрывалась от гнева. Поспешно попрощавшись со всеми, он вышел из хмельного заведения и с мрачным лицом отправился домой.

Цуй Цюэ уже давно не возвращался домой так рано. Госпожа Сюй, услышав весть о его приходе, велела слугам на кухне немедленно приготовить изысканные кушанья, сама очистила для него несколько крабов и, налив прозрачного, с зеленоватым оттенком крабово-хризантемового вина, подала к его столу.

Однако у Цуй Цюэ совсем не было аппетита. Едва притронувшись палочками к очищенному крабовому желтку, он отложил их и спросил:

— Ты отправила людей передать содержание Цуй Се?

Улыбка на лице госпожи Сюй на миг застыла.

— Я уже отправила Цуй Мина, — тихо ответила она. — Цуй Се живёт в уезде, и возить туда рис, овощи или шить одежду с одеялами неудобно, поэтому я велела Цуй Мину перевести всё в серебро и отвезти ему. Ещё я велела заехать на поместье и передать, чтобы к Празднику середины осени Цуй Се тоже отправили подарок по списку. Господин желает ещё что-нибудь передать Цуй Се?

Лицо Цуй Цюэ стало мрачнее тучи.

— Чего ему может не хватать! Даже если и не хватает, Цзиньивэй ему всё доставят, к чему мне, родному отцу, совать нос не в своё дело!

Цзиньивэй?! Госпожа Сюй вздрогнула. Взгляд её забегал, и она с тревожным замиранием сердца спросила:

— Цзиньивэй? Как наш Цуй Се снова оказался связан с Цзиньивэй?

Перед глазами Цуй Цюэ вновь возникла глумливая ухмылка маркиза Юнкана. На душе стало ещё тоскливее, и он, не желая больше говорить о высочайшем поощрении, лишь отмахнулся:

— Наша семья Цуй из поколения в поколение занимается земледелием и учением, мы — благочестивый чиновный род. Какое отношение мы можем иметь к Цзиньивэй? Пусть даже мой учитель роднится с командующим Ванем, я с ними всё равно не... Впрочем, не твоего ума это дело. В следующий раз, когда будешь отправлять что-то Цуй Се, посылай поменьше — пусть это пообломает его спесь!

Уловив в его голосе холод и отвращение, госпожа Сюй успокоилась. Прикрыв платочком лёгкую ухмылку, она покорно произнесла:

— Цуй Се ещё мал, господину стоит наставлять его почаще. Давайте поступим так: в следующем месяце, когда придёт время отправлять содержание, я пошлю кого-нибудь из бывалых слуг, чтобы тот обучил его правилам. Уму-разуму наберётся — и сможет вернуться домой на Новый год.

Цуй Цюэ холодно хмыкнул:

— Вернётся он — и даже предки не смогут спокойно встретить Новый год! Пусть сидит в родовом имении и как следует размышляет над своим поведением, а вернётся только тогда, когда в столице позабудут об этой истории!

Госпожа Сюй сияла от радости. Она заботливо прислуживала ему во время трапезы, сама же съела лишь полпиалы риса, залитого чаем, да пару кусочков нежной, тающей во рту сельди, пропаренной в красном винном осадке.

Пужинав, Цуй Цюэ сразу же ушёл в задние покои. На этот раз её душа не изнывала от ревности, как обычно: сияя от счастья, она поспешила призвать матушку Ди и с радостной улыбкой приказала:

— В эти дни моё бедное дитя сидело под замком! Ступай же скорее и скажи Цуй Хэну, что отныне ему больше не нужно притворяться больным. Пусть только не шумит слишком сильно, чтобы не попадаться на глаза отцу.

Матушка Ди улыбнулась:

— Амиабха, слава богам! Тот паршивец теперь вовек не поднимет головы.

Госпожа Сюй совсем позабыла о муже и днями напролёт ждала возвращения Цуй Мина с добрыми вестями о том, что Цуй Се опозорен и не смеет даже носа высунуть из дома на родине. Но сколько она ни ждала, вместо радостных вестей кучер привёз лишь письмо от Цуй Се. В нём он извещал родных, что Цуй Мин за кражу и распродажу его содержания был заключён уездным начальником Цяньаня в тюрьму и приговорён к удушению.

Госпожа Сюй мгновенно покрылась холодным потом. Письмо выпало из её ослабевших пальцев на пол, а на её собственной шее словно затянулась петля, перехватив дыхание.

Выгнав из комнаты кормилиц и служанок, она крепко вцепилась в руку матушки Ди и прошептала:

— Этот проклятый выродок затаил на меня лютую ненависть! Разве он Цуй Мина решил обвинить? Он же режет петуха, чтобы напугать обезьяну, мне это показывает!

<http://bllate.org/book/18372/1761249>